

Честно говоря, хотя в той сцене у Чжан Лижань была только одна установка, все время в кадре она была ошеломлена и шокирована красотой другого человека. Но ее искреннее изумление было именно тем психологическим настроением, которое Ян Диндин должна была показать в этой части... Можно сказать, что Чжан Лижань кое-в чем сбилась, но не Чжоу Юйхэ. Его эмоции, манера поведения, даже движения кончиков пальцев, Чжан Лижань ясно чувствовала, как другой идеально владеет своим положением в кадре.

Частично её удивление было связано с его старой номинальной стоимостью, как актёра. Отчасти это также объяснялось его внезапно для неё открывшимися актерскими способностями, его чувством доминирования в его игре. Поскольку каждый человек обладал уникальной личностью и характером, стиль игры Чжоу Юйхэ полностью отличался от стиля игры Се Ифэна. Особенно это было заметно на мониторе.

Се Ифэн был из тех актеров, что проявляли инициативу, чтобы ознакомиться со сценой, режиссером, кинематографией, образами и максимально интегрироваться в сцену. Это было потому, что у него было чрезвычайно податливое лицо.

Но Чжоу Юйхэ этого не сделал. Его лицо слишком выделялось, у него был сильный личный стиль, и чтобы пожертвовать им, чтобы соответствовать кадру, ему пришлось работать намного усерднее, чем Се Ифэну, и это не всегда получалось хорошо.

Так как он это сделал?

Бумага для рисования и карандаши, которыми он пользовался, были принесены из дома; полуоткрытое окно, выбор места для сидения, первая расстегнутая пуговица на рубашке – все это его настоящие привычки со школьных времен. Он также бродил по площадке целых десять минут перед тем, как отправиться на съемку, позволяя месту стать частью его собственной ауры!

Он использовал множество мелких деталей, которые можно было изменить, чтобы сделать сцену «знакомой» ему, как если бы это действительно было то место, где он жил три года. Это

«знакомство» значительно усилило чувство гармонии.

Словно в убогой школе всегда был ученик, который особенно хорошо читал, или в заброшенном городке всегда был молодой человек, который взлетал на вершину, или там всегда был симпатичный хулиган. Когда знакомство актера со сценой достигало определенного уровня, его жесты и манера поведения становились достаточно естественными, и подсознание аудитории убеждало её, что это возможно, правдоподобно и происходит не в кино, а на самом деле. Его способность доминировать над образом заставляла в глубине души поверить в то, что он был неотделимой частью окружающей обстановки.

Если бы Се Ифэн сливался с кадром, то Чжоу Юйхэ доминировал в кадре!

Изображение на мониторе воспроизводилось до тринадцати раз.

– Это определенно будет знаменитая сцена... – режиссер Цай сел на свой стул и повторял её снова и снова, не уставая восхищаться этим выступлением

Это была только начальная сцена, и ещё до того, как она была обработана, в ней уже был достигнут эффект готовой сцены фильма. Можно было представить, что в сочетании с правильным стилем графики, переключением между крупными планами и далекими сценами, редактированием, чтобы лицо Чжоу Юйхэ полностью гармонировало с фильмом. Если после выхода «Молодости» не будет взрыва, то эта публика была слепой!

Чжан Лижань снова испытала чувство шока от повторного воспроизведения, на самом деле, ее реакция была сильнее, чем у окружающих ее людей, но, глядя на «спокойное» отношение других, она могла только приложить все силы, чтобы держать себя в руках, и не выходить из себя, крича «как красив».

Она не могла этого понять: неужели она единственная, кто считал его крутым? Он был новичком! Он раньше снимался во множестве плохих фильмов! Почему все вели себя так, будто «принимают это как должное», словно они смотрят какое-то шоу под руководством Большого Брата? В следующей совместной сцене Чжан Лижань наконец поняла, почему все приняли это как должное.

Не говоря уже о типичных мелких ошибках актеров, таких как слишком быстрая скорость ходьбы, неправильно падающее освещение или забывание слов, но у Чжоу Юйхэ с этим не было проблем. Даже эмоции, жесты и движения в каждом дубле были настолько естественными и плавными, что это заставило ее усомниться в своей жизни!

Он и Се Ифэн стали единственными двумя актерами из всего состава, которым режиссер почти не кричал «Плохо!» (NG! No Good) и даже если он и прерывал съёмку, то в основном потому, что камера не давала лучшего ракурса и он хотел, чтобы они оба пересняли сцену.

Пересъемки – это было нормально! Разве не он был тем новичком, который снимался во множестве плохих фильмов?! Эта игра была так хороша, что ей было неловко, понятно? Этот парень ... у него случайно не было брата-близнеца? Чжан Лижань серьезно сомневалась, что актер, которого она видела раньше, и нынешний Чжоу Юйхэ были одним и тем же человеком.

И их было только трое в главных, и если те двое так хорошо действовали, ей нужно что-то сделать! Ей просто хотелось плакать.

Во время обеденного перерыва она только что вернулась в свою личную комнату отдыха после репетиции с режиссером Цаем, она прошла мимо комнаты Чжоу Юйхэ. Дверь была открыта, а Чжоу Юйхэ сидел на стуле, опустив голову, и выглядел так, будто он спал. Почему он не пошел спать на диван?

У главных актеров были собственные комнаты, которые, естественно, отличались по размеру от помещений, которые занимали актеры второго плана. В комнатах ведущих актёров не только просто стояли специальные диванчики, но там ещё были подушки и бархатные одеяла.

Чжан Лижань не придавала этому большого значения, она вошла в гостиную, чтобы разбудить Чжоу Юйхэ и отправить поспать на диване. Кто же знал, что она будет ошеломлена, как только приблизится к нему.

Молодой человек держал в руке толстый сценарий, цвет бумаги был уже слегка желтоватым, и очевидно, полностью отличался от цвета её сценария, который можно было бы назвать белоснежным. Сценарий Чжоу Юйхэ должно быть много раз листали и трогали, чтобы сделать его такого цвета. Обычно желтоватые страницы не привлекали большего внимания, чем белоснежно-белая бумага, но сценарий Чжоу Юйхэ был другим. Чжан Лижань была почти ослеплена плотными пометками на нем. Было так много заметок, записей на полях и полным-полно липких стикеров с примечаниями. Те, кто не знал, могли бы подумать, что это самый ценный исследовательский отчет какого-нибудь учёного Академии наук.

Он сидел тут так, словно запоминал свои строки, пока не заснул!

Чжан Лижань была поражена. Ровное дыхание молодого человека в этой тесной и узкой гостиной было таким чистым, что каждый вдох был подобен мягкому удару хлыста по сердцу Чжан Лижань. Необычайный рост актерского мастерства, почти безошибочная игра на съемочной площадке... казалось, всему есть разумное объяснение. Вспомнив, как раньше она задавалась вопросом, есть ли у Юйхэ брат-близнец, Чжан Лижань почувствовала себя несравненно пристыженной. Она вздохнула, взяла с дивана бархатное одеяло, накрыла тело молодого человека и тихо вышла.

Когда она проходила мимо комнаты Се Ифэна, Чжан Лижань остановилась и легонько постучала в дверь.

– Войдите.

Как только дверь открылась, она увидела Се Ифэна, который ел из коробочки ланч, держа в руке такой же толстый, полностью помеченный сценарий. Его глаза, казалось, были прикованы к тексту, он, не обращая внимания на что ест, принял кусок имбиря за мясо, засунул его в рот

и с удовольствием прожевал.

Актриса, пришедшая за утешением:

– ...

– Извините меня, – она закрыла дверь со сложным выражением лица. Разве у вас не может быть немного доброты для маленькой восходящей звезды! Вы так стараетесь убить героиню?!

Се Ифэн бездумно закончил свой обед, его сознание только что вернулось из сценария, и он даже не заметил этого небольшого эпизода с появлением Чжан Лижань. В любом случае, к тому времени, когда он полностью пришел в себя, его ноги уже подсознательно направлялись в комнату Чжоу Юйхэ. Он хотел поговорить с ним о сцене.

Чжан Лижань забыла закрыть дверь, когда выходила, и в щель Се Ифэн сразу же увидел, что Чжоу Юйхэ спит. Поскольку тот спал, его, естественно, нельзя было беспокоить.

Се Ифэн уже собирался закрыть дверь, не зная, что в это время проснется Чжоу Юйхэ.

Чжоу Юйхэ посмотрел на бархатное одеяло на нем, а затем на Се Ифэна, который собирался закрыть дверь.

Чжоу Юйхэ:

– ...

Се Ифэн:

– ...□□

Чжоу Юйхэ:

– Эм, хочешь поговорить о сценарии?

Се Ифэн:

– Верно.

– Тогда заходи.

Се Ифэну пришлось зайти.

Чжоу Юйхэ снял с себя бархатное одеяло и слегка улыбнулся:

– Спасибо.

Улыбка на его лице отличалась от солнечной улыбки Шень Яня, которой было достаточно, чтобы растопить людей, эта слабая, и теплая улыбка принадлежала уже самому Чжоу Юйхэ.

Се Ифэн был поражен. Каким-то образом он вспомнил слова агента Сюя:

– Кажется, ты ему очень нравишься.

Изначально он хотел сказать, что одеялом его прикрыл не он, но неожиданно даже для него самого это отрицание превратилось в дерзкое:

– Пожалуйста.

Се Ифэн загребает жар чужими руками! XD

<http://bllate.org/book/13305/1183634>